

Для чего вообще я собралась написать «легкое переложение» трех пьес Шекспира о короле Генрихе Шестом? Эти пьесы не пользуются популярностью, во всяком случае, в нашей стране их не ставят. Если того же «Ричарда Третьего» ставят в театрах по всему миру и постоянно экранизируют, то трехчастная эпопея о Генрихе Шестом, насколько мне известно, удостоилась только одной экранизации в цикле «Пустая корона», да и то в сильно купированном виде. Более того, первую часть «Генриха Шестого» многие шекспироведы и литераторы считают худшей из пьес Шекспира. Тогда зачем кому-то, а тем более моим современникам, ее читать?

Однако все не так просто и намного интереснее, чем может показаться на первый взгляд. По поводу авторства единого мнения до сих пор нет. Версии высказываются самые разные. Например, Шекспир сначала написал вторую и третью части «Генриха

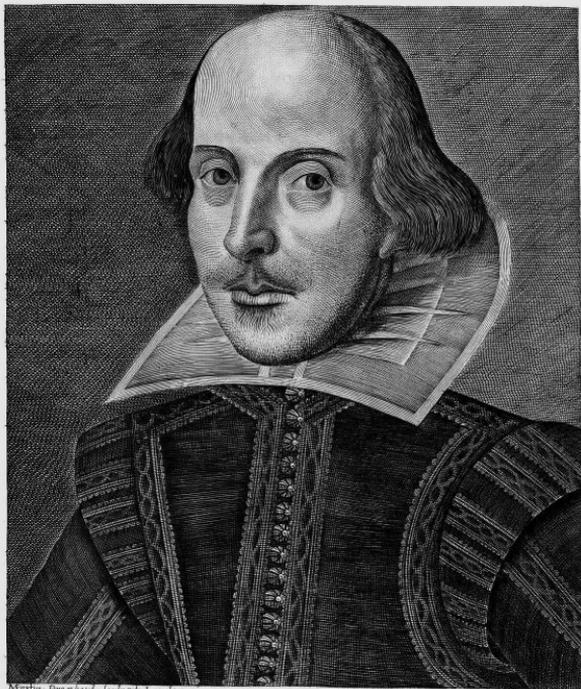
Генрих Шестой (неизвестный художник, около 1540)

Шестого», а потом взял чью-то ранее написанную пьесу об этом историческом периоде и быстренько переделал, подогнав под собственные драматургические нужды. Вариантом этой версии является предположение о том, что Шекспир даже и не переделывал чужую пьесу, а взял ее целиком и вставил несколько дополнительных сцен. Есть мнение, что «украденная» пьеса была посвящена даже и не королю, а исключительно Джону Толботу и имела своей задачей прославление этого знаменитого полководца и мощи английской армии в целом. Но существуют и другие мнения, не оспаривающие авторства Шекспира: просто неудачная работа начинающего драматурга, с кем не бывает!

Так где же истина? Неизвестно. Но тем, кто занимается филологией, литературоведением, драматургией, искусством театра, творчеством Шекспира, историей и другими сферами знаний, может оказаться полезным или любопытным попытаться самим ответить на вопрос, принадлежит ли «Генрих Шестой. Часть первая» перу великого драматурга полностью

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES
COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

Martin Droghda sculpsit London.

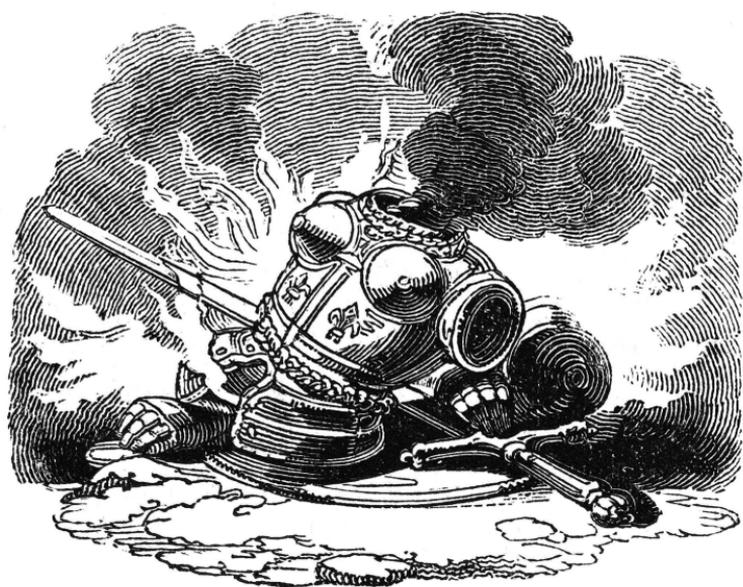
LONDON
Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623.

*Сочинения Шекспира
(титульный лист, 1623)*

или частично, и если частично, то какие именно части являются «заимствованными», а какие — «вставными». Для того чтобы составить собственное (а не почерпнутое из научной литературы) мнение, необходимо как минимум прочесть все три части. Но для нашего современника, особенно молодого, задача эта поистине непосильна. И я подумала, что вполне могу сделать некое подобие подспорья, чтобы можно было без особого напряжения, но в то же время подробно ознакомиться с текстами этих трех пьес. Если в музыкальной педагогике приняты «легкие переложения для фортепиано», то почему бы таким переложениям не появиться в литературе?

ГЕНРИХ ШЕСТОЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Акт первый

Сцена 1

Вестминстерское аббатство

Похоронный марш.

*Вносят на парадном траурном ложе тело короля Генриха Пятого. Его окружают герцоги **Бедфорд, Глостер и Эксетер, граф Уорик, епископ Винчестерский, герольды и другие.***

Итак, друзья, что у нас тут происходит? 1422 год, Англия, скончался король Генрих Пятый, разбивший французов в битве при Азенкуре в 1415 году. Покойному было 35 лет, его супруге Екатерине Валуа — 20, их единственному сыну Генриху — 8 месяцев. После того как Генрих Пятый победил при Азенкуре, он вел длительные переговоры с королем Франции Карлом Шестым Валуа (Карлом Безумным). Итогом этих переговоров стало следующее: сын Карла Шестого, дофин Карл, исключается из линии престолонаследия и теряет право на трон; дочь Карла Шестого Екатерина выходит замуж за молодого красавца Генриха Пятого, короля Англии; их сын, буде таковой родится, станет

королем и Англии, и Франции. Странновато, да? Ну а что вы хотите, Карла же не зря прозвали Безумным: он страдал тяжелым душевным расстройством, на длительное время впадал в беспамятство и переставал узнавать окружающих и осознавать реальность. Такой слабый на голову король чего только не подпишет! Почему дофина прогнал поганой метлой? Из-за нелепости: кто-то из близких друзей дофина Карла по случайности (а может, и намеренно) убил герцога Бургундии, дофина сочли причастным к преступному безобразию, из-за чего отношения этого герцогства с Францией сильно испортились, а иметь Бургундию во врагах никому не хотелось: очень уж она была богата и влиятельна. Вот Безумный и осерчал на сынка.

Жениться на дочке французского короля Генрих Пятый успел, сына родить тоже успел, а больше не успел ничего. Умер предположительно от дизентерии. И остается королевство с юной неопытной вдовой и грудным младенцем. Но у почившего в бозе короля, слава богу, есть родные братья, ведь у Генриха Четвертого, предыдущего монарха, было целых четверо сыновей. Кроме старшего, Генриха Пятого, имелись еще Томас, Джон и Хамфри. Томас умер за год до смерти Генриха Пятого, а вот Джон, герцог Бедфорд, и Хамфри, герцог Глостер, вполне себе живы и активны. Поскольку дизентерия — это все-таки не внезапная смерть от несчастного случая, умирающий король имел достаточно времени, чтобы оставить распоряжения относительно будущего: лордом-протектором, отвечающим за возвращение

и безопасность будущего короля, назначается братец Хамфри, герцог Глостер, а регентом Франции, отвечающим за расширение и укрепление английских завоеваний во Франции, назначается братец Джон, герцог Бедфорд.

С диалога этих двоих братьев и начинается пьеса. Остальных персонажей я вам представлю по мере включения их в действие, чтобы на ваши головы не посыпалось одновременно слишком много информации.

Бедфорд, старший из оставшихся братьев (ему на момент смерти Генриха Пятого исполнилось 33 года, но у Шекспира могут быть совсем иные соображения, так что будем ждать более точных авторских указаний), горюет:

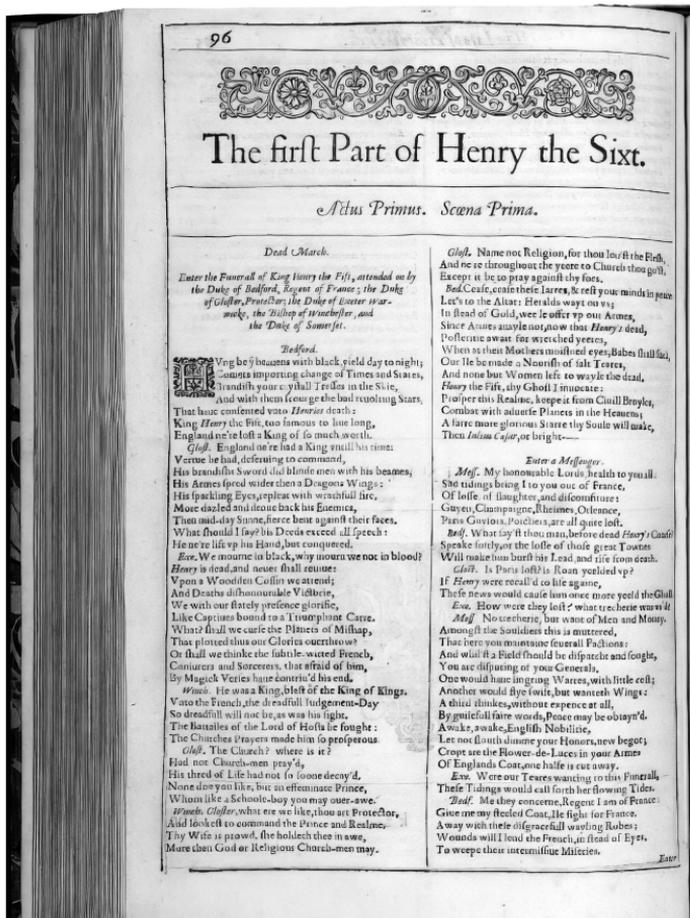
— *Он слишком славен был, чтоб долго жить! Наш край такого не терял монарха!*¹

Ну и все в таком роде, как обычно. Младший, Хамфри Глостер (31 год в реальности, но каков его возраст по пьесе — пока неясно), вторит ему:

— *Наш край такого короля не знал.* Он никогда не проигрывал в битвах.

Все это говорится, разумеется, не так кратко, как я вам тут излагаю. Цветистости в пьесах шестнадцатого века всегда более чем достаточно.

¹ Шекспир У. Генрих VI. Часть первая. Перевод Е. Бируковой. // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах под общей редакцией А. Смирнова и А. Аникста. Т. 1. — М.: Искусство, 1957.

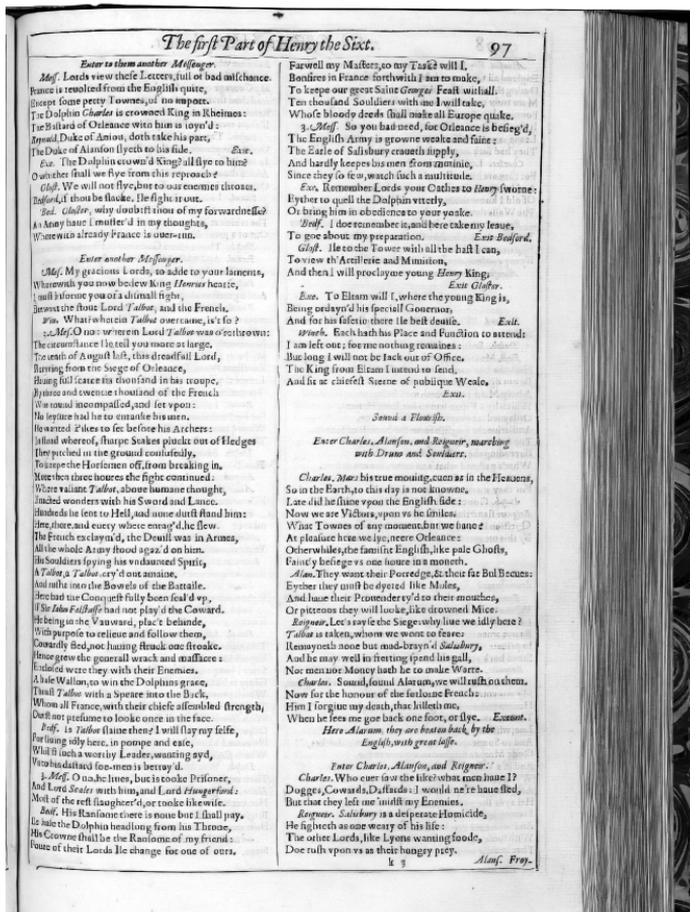

Начало хроники «Генрих Шестой»

(первое полноформатное издание пьес Шекспира, 1623)

К разговору присоединяются еще двое присутствующих, которых необходимо вам представить. Это герцог Эксетер и епископ Винчестерский. Представление будет длинным, так что приготовьтесь. Итак, жил-был король Эдуард Третий, родил в закон-

Акт первый. Сцена 1

Начало хроники «Генрих Шестой»

(первое полноформатное издание пьес Шекспира, 1623)

ном браке семерых (по другим источникам — восьмерых) сыновей, но до зрелых лет дожили только пятеро. Там происходило много всякого, но в итоге королем стал внук Генрих Болингброк, сынوک третьего по старшинству сына короля Эдуарда. Этот третий

по старшинству сын (по имени Джон Гонт) прожил довольно разнообразную личную жизнь. От первого брака у него имелся только один сын Генрих (будущий король Генрих Четвертый, остальные трое сыновей не прожили долго, ну а две дочери, сами понимаете, в счет не идут); во втором браке родились дочка (снова не в счет) и сын, но и он не выжил; при этом Гонт параллельно крутил роман с придворной дамой по имени Кэтрин Суинфорд. Кэтрин была замужем, рожала детей от законного супруга, но рано овдовела и принялась рожать уже от Джона Гонта. Вне брака, разумеется, поскольку сам Гонт был, во-первых, женат, во-вторых, являлся принцем королевской крови и не имел права жениться абы на ком без одобрения правящего монарха. Наконец, Джон Гонт похоронил и вторую свою жену и собрался все-таки жениться на Кэтрин, испросил разрешения у тогдашнего короля, получил его и сыграл свадьбу. Но к этому времени у них с Кэтрин образовалась уже куча общих детей, в том числе и три сына. Встал вопрос о законнорожденности этих деток. Был отправлен соответствующий запрос в Рим и получена папская булла о признании всех детей законнорожденными. Слава Богу! А поскольку они законнорожденные, то, стало быть, имеют право наследовать престол, ежели что. Сам Джон Гонт имел титул герцога Ланкастера, посему и его первый сын, Генрих, рожденный первой супругой, унаследовал этот титул после смерти отца. Именно с Генриха Четвертого и началась династия

Ланкастеров, являвшаяся ответвлением династии Плантагенетов (сам-то Эдуард Третий, дедушка Генриха Четвертого, был Плантагенетом, и следующий за Эдуардом король, Ричард Второй, внук по старшему сыну, тоже еще Плантагенет, а вот сын Джона Гонта уже именуется Ланкастером). Дети, рожденные от Кэтрин Суинфорд, не имели права именоваться Ланкастерами и носили родовое имя «Бофор» (иногда пишется «Бофорт» или «Бьюфорт»). Мальчики Бофоры являлись, таким образом, единокровными братьями короля Генриха Четвертого, дядьями Генриха Пятого и двоюродными дедушками младенчика Генриха Шестого. Вот такой расклад.

Герцог Эксетер — это Томас Бофор, один из незаконнорожденных сыновей Джона Гонта, ему 45 лет, он лорд-адмирал Англии. После смерти Генриха Пятого входил в состав регентского совета при малолетнем Генрихе Шестом.

Епископ Винчестерский — это Генри Бофор, еще один сын Джона Гонта и Кэтрин Суинфорд, ему 48 лет. Епископ Винчестера — фигура значительная, ибо в Винчестере находится королевская сокровищница.

Запоминаем на всякий случай: Эксетер и епископ Винчестерский — родные братья. Глостер и Бедфорд — тоже родные братья.

Таким образом, над телом усопшего Генриха Пятого собрались четверо ближайших родственников нового короля Генриха Шестого: двое родных дядюшек, Глостер и Бедфорд, и двое двоюродных дедушек,

Эксетер и Винчестер (которых по традиции принято называть тоже дядями).

Герцог Эксетер произносит много запутанных слов, из которых мало что можно понять. В общем, вроде как горюет. Епископ Винчестерский выражается более просто, но тоже сожалеет о безвременной смерти племянника.

— Церковь неустанно молилась за него, — говорит он, — и это принесло военные победы нашему Генриху.

И вот в этом месте обозначается первый конфликт: оказывается, Хамфри Глостер сильно не любит не только своего дядюшку епископа, но и всех церковников скопом.

— Церковь молилась за его победы? — ехидно спрашивает он. — Да она молилась за то, чтобы король умер поскорее! Вам, попам, не нужен король-победитель, вам нужна марионетка, которой вы могли бы управлять.

*Что церковь? Не молись попы так рьяно,
Не кончилась бы жизнь его так рано.
Безвольный государь желанен вам,
Который слушался бы вас, как школьник.*

— Зато теперь ты протектор, — зло парирует епископ, — и можешь сам управлять и маленьким принцем, и всей страной. Ты же бога не боишься, ты перед своей женой на задних лапках ходишь, тебе духовники не указ.

Вообще-то слова о жене герцога Глостера выглядят здесь совершенно неуместно. Но нам еще придется их вспомнить, так что все не зря.

Глостер не скрывает презрения к дяде:

— Это кто тут духовное лицо? Ты, что ли? Да ты о духе давно забыл, для тебя на первом месте плоть. Если ты и заглядываешь изредка в храм, так только для того, чтобы помолиться о гибели твоих врагов, а вовсе не для того, чтобы очистить душу.

В перепалку вмешивается герцог Бедфорд, новопеченный регент Франции, просит брата и дядю прекратить склоку и начинает произносить торжественно-скорбную надгробную речь, мол, что теперь будет со страной без такого короля, как Генрих...

Речь прерывается появлением гонца, который сообщает плохие новости из Франции: *«потери, неудачи, поражения»*. В этих поражениях английская армия во Франции потеряла *«Шампань, Гюйенну, Реймс и Орлеан, Жизор, Париж, Пуатье»*.

Реакция герцога Бедфорда неоднозначна:

— Говори потише, а то покойный король услышит и от таких новостей может встать из гроба.

Вот и поди пойми, то ли это циничная шутка атеиста, то ли опасения глубоко верующего человека.

— Ничего себе! — сокрушается герцог Глостер. — Если бы Генрих был еще жив, то от таких известий наверняка умер бы.

Не знаю, как насчет Генриха Пятого, а историки и хронисты точно скончались бы на месте, прочтя

такой текст. На самом деле осаду Орлеана французам удалось прорвать только в 1429 году, когда дело взяла в свои руки Орлеанская девственница Жанна д'Арк, то есть через 7 лет после смерти короля Генриха, а Париж англичане удерживали аж до 1437 года. Азимов отмечает, что Шекспир во всех исторических пьесах весьма вольно обращается с датами, перемещая удобные ему факты во времени вперед и назад, как нужно для сюжета и драматизма, но в первой части «Генриха Шестого» автор превзошел сам себя по части анахронизмов. Такого фактологического бардака (это выражение Азимова) нет больше ни в одной его пьесе-хронике. Поэтому нам будет довольно трудно разобраться и с событиями, и с возрастом тех персонажей, которые являются реальными историческими лицами. Впрочем, мы будем делать это лишь там, где это действительно необходимо, чтобы понимать логику действия внутри пьесы, а для сопоставления художественного текста с исторической действительностью все желающие могут обратиться к истинно знающим авторам, например, к Питеру Акройду или к тому же Айзеку Азимову.

— Как такое могло произойти? — спрашивает герцог Эксетер. — Была измена? Нас кто-то предал?

— Никакой измены, все дело в недостатке людей и боеприпасов, — поясняет гонец. — И моральный дух в войсках заметно ослабел, потому что ходят слухи о том, что вы здесь разбились на партии и никак не можете договориться. Нужно братья за оружие

и идти в бой, а вы только рядитесь, кто должен возглавить войско. Один хочет вести затяжную войну при малых затратах; другой хотел бы воевать, да уже немощен; третий считает, что нужно решать вопрос дипломатическими путями, а не оружием. А пока вы совещаетесь, мы теряем свои завоевания во Франции.

— Я — регент Франции, и я должен не слезы тут лить, а надевать доспехи и ехать воевать, — решительно заявляет герцог Бедфорд.

Но тут является второй гонец, у него вести еще хуже: вся Франция восстала против захватчиков-англичан, дофина Карла, отлученного от престола своим отцом, короновали в Реймсе как короля Карла Седьмого, на его стороне уже выступили Бастард Орлеанский, Рене Анжуйский и герцог Алансонский. На это известие попрошу вас обратить особое внимание. Фиксируем: на момент смерти английского короля Генриха Пятого французский дофин уже коронован в Реймсе и стал королем Франции Карлом Седьмым. Во всяком случае, именно так выходит по пьесе.

Остановка и пауза. Поскольку все трое вышеупомянутых лиц появятся в пьесе, придется сказать о них несколько слов. Во-первых, дофина Карла действительно короновали в Реймском соборе как Карла Седьмого, это правда, да только случилось это в 1429 году после того, как Жанна со своими войсками освободила Орлеан, за что и получила прозвание «Орлеанская дева». Во-вторых, двое из трех указан-

ных сторонников новоиспеченного французского короля вряд ли могли рассматриваться в 1422 году как существенное военное подспорье.

Бастард Орлеанский — это Жан де Дюнуа, внебрачный сын герцога Орлеанского Людовика Первого. Мальчик рано осиротел и воспитывался вместе с дофином Карлом, будущим королем Карлом Седьмым, посему понятно, что Дюнуа предан Карлу и готов прийти на помощь. Бастард Орлеанский был хорошим полководцем, провел ряд очень успешных военных кампаний.

Рене, герцог Анжуйский, был на момент смерти Генриха Пятого еще совсем юным (13 лет), да и титула герцога пока еще не имел, поскольку его отец пребывал в те годы в полном здравии. Казалось бы, зачем его упоминать, если можно назвать любого другого действующего военачальника или правителя? А здесь, друзья мои, та же причина, что и с упоминанием ни к селу ни к городу супруги герцога Глостера: так надо. Пройдут годы, и выросший Генрих Шестой женится на дочери того самого Рене Анжуйского, и начнутся в Англии страшные междоусобицы и прочие беды. Так что и слова о жене Глостера, и слова о Рене Анжуйском — это нечто вроде информационной подготовки зрителя-читателя к дальнейшему развитию событий.

А вот с герцогом Алансонским пока не понятно. Ему в 1422 году тоже всего 13 лет. Но в целом военная биография у этого человека славная, и с 11-лет-

него возраста он уже был лейтенант-генералом герцогства Алансон, а в 14 лет стал членом королевского совета Франции. То есть ему было где с самых юных лет набираться политического и военного опыта, заседая рядом со старшими и мудрыми. Он много воевал, имел хорошую репутацию военачальника, 5 лет провел в плену у англичан (его взял в плен как раз сэр Джон Фастолф, который является одним из действующих лиц данной пьесы), впоследствии прикнуд к Жанне д'Арк. Так что вполне возможно, упоминание Жана Алансонского сделано умышленно для последующего ввода на сцену сэра Фастолфа.

Услышав новости от второго гонца, герцог Экстер ушам своим не верит.

— Неужели все бегут к дофину? Неужели правда, что его короновали? Какой позор для Англии!

— Нужно брать оружие и воевать, — говорит Глостер и обращается к родному брату, герцогу Бедфорду: — Если тебе не по силам — сиди дома, я один справлюсь.

Так, похоже, между родными братьями, сыновьями Генриха Четвертого, тоже не все гладко.

— Зачем ты так говоришь? — упрекает его Бедфорд. — Разве я давал повод сомневаться? У меня уже есть план, как собрать большую армию и как действовать дальше.

А тут третий гонец нарисовался. И тоже с ужасными новостями: войска лорда Толбота разбиты наголову. Согласно информации, доставленной

третьим гонцом, лорд Толбот со своим шеститысячным войском удерживал Орлеан, но вдруг напали французы, численность которых превышала двадцать тысяч воинов. Толбот не успел построить своих людей, французам удалось окружить английскую армию; сам Толбот сражался как лев, и в какой-то момент ход битвы переломился — победа вот-вот должна была достаться англичанам и досталась бы, если бы не предательство сэра Джона Фастолфа, который стоял в арьергарде и должен был в решающий момент вступить в сражение, однако не вступил, а трусливо удрал: *«Бежал, как трус, не обнажив меча»*. И какой-то *«валлонец подлый, угождая Карлу, направил в спину Толбота копье»*, пронзив выдающегося полководца. (Валлонцы — жители франкоговорящей части Бельгии; в описываемый период эта территория принадлежала Бургундии, которая, как известно, не дружила с королем Франции и не поддерживала его. Так что если валлонец воевал за французского короля, то делал это либо из корысти, либо по глупости, в общем, «подлый» он.)

С гонцами как-то не все понятно: о том, что французы отбили Орлеан, уже сообщал первый гонец, так что все подробности касательно битвы и лорда Толбота вполне мог изложить сам. Для чего нужен третий гонец? Для драматизма именно в этом месте? Понятно, что каждый из гонцов со своими известиями дает толчок развитию диалогов в нужную автору

сторону, однако же два гонца с практически идентичными новостями...

Бедфорд в ужасе:

— Так Толбот погиб? Его предали, оставили без помощи, а я тут прохлаждаюсь!

Но оказалось, что лорд Толбот, к счастью, жив, хотя и захвачен в плен, как и еще целый ряд благородных лордов.

— Я сам заплачу за него выкуп, — свирепо обещает герцог Бедфорд. — Вот увидите, я этого дофина вниз головой с трона сброшу, и его корона будет выкупом за Толбота. А за каждого плененного английского лорда отдам по четыре французских пленных вельможи. Все, лорды, прощайте, я соберу десяти тысячное войско и всю Европу поставлю на колени.

Третий гонец просит Бедфорда поспешить: Орлеан в осаде, английские войска устали и ослабели, граф Солсбери просит о подкреплении, потому что уже с трудом справляется с недовольными истощенными солдатами и не уверен, что сможет удержать их от бунта.

— Не забывайте, милорды, вы поклялись покойному королю либо уничтожить дофина Карла, либо прогнать его под нашу власть, — напоминает родственникам герцог Эксетер.

— Я помню, — отзывается Бедфорд. — Поэтому прощаюсь с вами и иду готовиться к походу.

Бедфорд уходит.

Как обычно у Шекспира, все было и так, и не так, и тогда, и не тогда. Поскольку анахронизмов в информации от трех гонцов слишком много, мы с ними даже разбираться не станем. Скажем только, что лорд Джон Толбот, впоследствии получивший титул графа Шрусбери, действительно был выдающимся воином и полководцем, много раз назначался главнокомандующим английскими войсками во Франции. В 1428 году начал осаду Орлеана, но через 7 месяцев вынужден был снять ее (а не сдать город, как утверждает гонец, потому что англичанам Орлеан никогда и не принадлежал; осада как раз имела цель захватить его, продлилась много месяцев, но успехом не увенчалась: англичане были выбиты оттуда французами). После этого, воодушевленные победой и Жанной д'Арк, французы начали побеждать англичан и вытеснять их с континента. Толбот действительно был ранен и взят в плен, но случилось это позже, уже в битве при Пате (осада Орлеана была снята 8 мая 1429 года, а битва при Пате состоялась 18 июня того же года, то есть более чем через месяц), и французский король Карл из уважения к воинской доблести сэра Толбота освободил его без выкупа. За всю жизнь Джон Толбот, граф Шрусбери, одержал победу в 47 битвах.

С сэром Фастолфом тоже вышло неладно. Подробности вы можете найти в источниках, роль этого опытного полководца описана достаточно подробно, для нас же важен только результат: сэр Джон

Фастолф проявил разумную осторожность и предложил тактику отступления для сохранения жизни воинов, обреченных на неминуемую гибель, сэр Джон Толбот с ним не согласился и рванул в лобовую атаку на явно превосходящие силы противника, не имея достаточно времени для правильной расстановки своих войск. Решение Толбота оказалось непродуманным и привело к поражению и плену, Фастолфу с остатками войска удалось уцелеть. Но в глазах общественного мнения именно Джон Фастолф выглядел трусом и предателем, в то время как Джон Толбот, азартно сгубивший сотни жизней, стал в очередной раз героем.

Итак, герцог Бедфорд покинул сцену и отправился готовиться к военному походу. Остались его брат и двое дядюшек. Брат, герцог Глостер, объявляет, что направляется в Тауэр *«орудья и припасы осмотреть»* и готовить официальное объявление маленького принца королем, то есть коронацию. Один из дядюшек Бофоров, герцог Эксетер, сообщает, что поедет в Элтем, где в данный момент находится малыш Генрих:

— Я должен обеспечить его надежную охрану.

А вот епископ Винчестерский, второй дядя Бофор, думает совсем о другом:

— *У каждого свой пост, своя забота,* — бормочет он удрученно. — Один я не у дел. Этих троих назначили быть рядом с новым королем, а про меня забыли, никакой важной должности не предложили. Но у меня есть план:

Из Элтема похищу короля

И встану у кормила корабля.

Вот тебе и любящий дядя Бофор, к тому же епископ, то есть священник, представитель духовенства.

А теперь вопрос на внимательность: причем здесь граф Уорик? Он указан Шекспиром в самом начале сцены как действующее лицо. Там еще числятся «герольды и другие», но это и понятно: все-таки сцена у гроба покойного короля, должна быть толпа скорбящих вельмож и приближенных. Однако же те персонажи, которые имеют отношение к развитию действия и хоть что-то произносят, перечисляются поименно. Гонцы, кстати, не указаны, но мы будем снисходительны и посчитаем их за «других», хотя эти персонажи произносят довольно много слов. Глостер, Бедфорд, Эксетер и Винчестер — да. А Уорик? Для чего он указан в авторской ремарке? Ему не принадлежит ни одна реплика, к нему никто не обращается, он даже не упоминается в обсуждениях. На самом деле граф Уорик — фигура реальная, он верно служил покойному Генриху Пятому и после смерти короля был воспитателем и наставником малолетнего Генриха Шестого, все так, но в сцене-то он зачем? Просто постоять и помолчать? Или кто-то наспех выдрал ненужные фрагменты из текста сцены, а ремарку исправить забыл?

Вот и начинают зарождаться сомнения...

Сцена 2

Франция. Перед Орлеаном

Фанфары.

Входят с трубами и барабанами Карл, Алансон, Рене и войско.

В начале сцены дофин Карл, герцог Алансонский и Рене Анжуйский насмеваются над истощенным английским войском и выражают уверенность в полной, быстрой и легкой победе, тем более что вражеский военачальник Толбот находится в плену и уже не может руководить и вдохновлять. В Орлеане остался «лишь безумный Солсбери», у которого нет ни денег, ни людей, так что пусть он там с досады желчью исходит.

Затем следует боестолкновение (за сценой), и наши трое героев вновь появляются перед зрителями. Теперь речи их стали совсем иными. Алансон и Рене жалуются на своих солдат («Псы! Трусы!»), которые позорно бежали с поля боя. А далее... Далее следует восхваление силы и отваги англичан. То есть персонажи вроде как сетуют, что, мол, не ожидали такого, и кто бы мог подумать... Но на самом деле устами французов Шекспир поет дифирамбы своим соотечественникам.

Мерзавцы тощие! Кто б мог подумать,

Что в них такая дерзость и отвага? — сетует Алансон.

Рене восхищается графом Солсбери:

*Отчаянный рубака — Солсбери!
Он бьется, словно жизнь ему постыла.
Подобно львам голодным, лорды их
Бросаются на нас, как на добычу.*

И все в том же роде. По итогам обмена мнениями все трое приходят к выводу, что пришло время «оставить их в покое». Англичан то есть. Уж так хорошо они умеют воевать, что, пожалуй, пора прекращать многолетнюю бойню.

На сцене появляется Бастард Орлеанский с обнадеживающими вестями:

— Что-то вы грустные, бледные... Расстроились из-за поражения? Не переживайте, теперь все будет хорошо, я вам привел святую девицу, у нее было видение. Ей с небес велели избавить Орлеан от этой изнурительной осады и прогнать англичан из Франции. У нее очень сильный дар пророчества, она все видит: и что было, и что будет. Давайте я ее к вам приведу, и вы сами проверите ее способности.

Карл разрешает привести девицу, а когда Бастард уходит, предлагает Рене Анжуйскому поменяться местами:

— Ты сделай вид, что ты — это я, дофин Карл. Прими соответствующий вид, голос сделай поостроже. Вот и посмотрим, отгадает она, кто есть кто, или нет.

Входят Жанна д'Арк и Бастард Орлеанский.

— Ну, красавица, покажи-ка нам, какие чудеса ты умеешь делать? — ехидно говорит Рене Анжуйский.

Но Жанна не попадает на уловку.

— Ты что, задумал меня обмануть, Рене? — презрительно спрашивает она. — Где дофин? Давай, выходи вперед. Я тебя сразу узнала, хоть и не видела никогда прежде. Не удивляйся, я все знаю, мне все открыто. Господа, отойдите, мне нужно поговорить с дофином наедине.

— А она храбрая, — замечает Рене.

Жанна обращается к дофину Карлу:

— Я дочь простого пастуха, необразованная, мало знаю. Но однажды, когда я пасла овец, мне было видение: передо мной предстала Божья Матерь и призвала меня спасти родину от бедствия. Она обещала помочь мне и сулила удачу, и я ей верю. Теперь же я верю и в себя, в свои силы. Испытай меня, если хочешь. Задай любой вопрос — и я отвечу. Проверь

Карл Седьмой (картина Жана Фуке, около 1450)

Жанна д'Арк (миниатюра, около 1900)

меня на силу и ловкость — и я докажу, что могу сражаться не хуже любого мужчины.

*Доверься мне: тебя победа ждет,
Коль рать твою в бой дева поведет.*

— Удивительные вещи ты говоришь, — отвечает дофин. — И, конечно же, я хочу тебя проверить и испытать. Если победишь меня в бою — поверю каждому твоему слову. Не победишь — не поверю ничему.

— Я готова, — говорит Жанна и достает меч.

Они сражаются. Жанна теснит Карла.

Карл признает, что девушка сражается, как амазонка, и просит ее опустить оружие.

— Уж не знаю, кто тебе на самом деле помогает, но ты явно можешь быть мне полезна.

А затем произносит нечто странное. Ни в одном источнике я про такое не читала. Хотя читала я, конечно, совсем мало, так что не поручусь, что дальнейшие слова Карла совсем уж выдумка. Впрочем, судите сами.

— *Но я огнем желания горю,* — говорит дофин. — Ты победила меня в бою и завоевала мое сердце. Позволь мне, французскому монарху, быть твоим слугой, а не королем.

О как. Влюбился, стало быть. С первого взгляда, то есть с первого удара мечом. Мазохист, что ли? На что Жанна Девственница отвечает:

*Должна отвергнуть я любви исканья.
Освящено с небес мое призванье;
И лишь изгнав всю вражескую рать,
Я о награде стану помышлять.*

Проще говоря, отстань ты со своей любовью, не до нее мне сейчас, есть дела поважнее.

— Ну хотя бы посмотри на меня с нежностью, — просит Карл.

Рене Анжуйский и герцог Алансон посматривают в сторону дофина и Жанны и обмениваются репликами:

— Что-то долго дофин с ней шепчется, — замечает Рене.

— Наверное, хочет вытянуть из нее побольше информации, чтобы разобраться, кто она такая, — предполагает Алансон.

— Может, прервать их? А то наш дофин меры не знает.

— А вдруг у него есть план, а мы ему помешаем? — говорит более осторожный Алансон.

Но Рене не внимлет предостережению товарища и вмешивается в беседу:

— Так что вы решили, государь? Сдаем Орлеан или продолжаем биться за него?

Но отвечает ему вовсе не государь, а сама Жанна. Ну, она же сама сказала, что, мол, девушка простая, деревенская, этикету не обучена. Не знает она, что поперек монарха высказываться неприлично, особенно если к тебе никто и не обращается.

— Нет-нет, ни в коем случае не сдавайтесь! — горячо убеждает она. — Сражайтесь до конца. Я буду вашей защитой.

— Согласен. Будем сражаться до конца, — подтверждает дофин Карл.

— Высшие силы избрали меня, чтобы я стала наказанием для англичан, — продолжает девушка. — Сегодня ночью я сниму вражескую осаду. Вот увидите: как только я приму участие в боевых действиях — ход войны сразу же переломится.

Карл не скрывает своего восхищения отвагой и уверенностью Жанны в победе.

— Говорят, что Магомета вдохновлял голубь, — говорит он, — а тебя, наверное, вдохновляет орел? Если все получится, я тебя отблагодарю так, как ты сама пожелаешь.

Рене и Алансон рвутся в бой: довольно медлить, пора разбить врагов и обрести бессмертие!

— За мной! — командует дофин. — Уж если эта дева нас обманет, тогда и не знаю, кому еще можно верить.

И снова вопрос на внимательность: так кто же такой этот Карл? Дофин, то есть потенциальный наследник престола, или уже коронованный монарх? В Сцене 1 гонец нам рассказывает, что Карла короновали в Реймском соборе, далее он на протяжении всей пьесы именуется почему-то дофином, сам же Карл в разговоре с Жанной называет

себя монархом и королем. И куда девать общеизвестный факт, согласно которому именно Жанна Орлеанская Дева убедила дофина Карла, что он и только он имеет право короноваться, и привела его в Реймс? По пьесе выходит, что Карл вполне самостоятельно стал королем задолго до знакомства с Жанной.

Червячок сомнения снова выглянул из своей уютной норки...

Сцена 3

Лондон. Перед Тауэром

Входят герцог Глостер и его слуги в синих кафтанах.

Прежде чем описывать собственно действие, скажем несколько слов о Тауэре. Это крепость в Лондоне, где имелись и королевские апартаменты, и тюремные камеры, и оружейный склад. Кроме того, по традиции монархи должны были проводить здесь сутки или хотя бы ночь перед коронацией. Рассказываю об этом не просто так, а для более точного понимания реплик персонажей.

Герцог Глостер говорит нам, зрителям-читателям, что пришел осмотреть Тауэр, чтобы быть уверенным в безопасности, потому что после смерти Генриха Пятого заметно обострились межклановые интриги и не исключены попытки насильственного захвата власти.

— А где сторожа? — возмущается он. — Что-то я их не вижу. Открыть ворота!

Сторожа, оказывается, есть, только их и впрямь не видно, они за сценой, оттуда и переговариваются со слугами Глостера.

— Кто там стучит?

— Герцог Глостер прибыл! — объявляет Первый слуга.

— А нам по барабану, кто прибыл. Не пустим, вот и весь сказ!

— Это ты так отвечаешь лорду-протектору? — негодует слуга.

— Со всем уважением, но мы поступаем в соответствии с приказом.

Глостер в недоумении:

— С каким приказом? Кто вообще может отдавать такие приказы? Я — лорд-протектор Англии, и приказы, касающиеся Тауэра, имею право издавать только я! И я не позволю проявлять неуважение ко мне. Рубить ворота! Я разрешаю!

Слуги Глостера ломятся в ворота. К воротам подходит изнутри комендант Вудвил.

Пока что мы его тоже не видим, слышим только голос, поскольку комендант находится за сценой.

— Что за шум? — спрашивает комендант. — В чем дело?

— Комендант, это вы? Я вас узнал по голосу. Я Глостер, открывайте ворота.

— Простите, не могу. Кардинал Винчестер мне запретил впускать сюда вас и ваших людей.

— Вот же гад! Он что же, считает себя выше по положению, чем я? Не зря его покойный король не любил, ох, не зря. Вудвил, открывай ворота, иначе я тебя силой вышвырну вон!

Первый слуга тоже громко кричит, требуя открыть ворота перед лордом-протектором, да побыстрее!

Входят епископ Винчестерский и его слуги в бурных кафтанах.

— Ну ты и наглец, Хамфри! — говорит епископ. — Что все это значит?

— Ты, бритый поп, меня впускать не хочешь? — дерзко спрашивает Хамфри Глостер.

— Да, не хочу. А ты — наглый самозванец, а никакой не протектор! — отвечает епископ Винчестерский, он же Генри Бофор.

Любопытная реплика. Хамфри Ланкастер, герцог Глостер, назначен лордом-протектором по воле и указу короля Генриха Пятого, то есть совершенно законно. Какие же основания называть его самозванцем? А никаких, ровно никаких. Генри Бофора, епископа Винчестерского, нам здесь показывают человеком, ни во что не ставящим закон. Посмотрим, отыграется ли эта черта характера в дальнейшем.

— Уйди с дороги и вообще выметайся отсюда, — требует Глостер. — Ты плетешь какой-то заговор, но я тебя разоблачу.

— Нет, это ты уйди, а я с места не сдвинусь. Хочешь быть Каином — убей меня, как Авеля, но я не отступлю.

— Вот еще, убивать тебя — только руки марать, — презрительно отвечает герцог. — Я и без оружия уберу тебя отсюда. Замотаю в твою красную тряпку как в пеленку и на руках вынесу.

— *Посмей-ка! Начихать тебе в лицо!* — храбро выкрикивает немолодой епископ.

Выходка поистине детская — позволить себе подобную лексику, будучи духовным лицом, облаченным в красные кардинальские одежды. Вообще-то это довольно странно, потому что Винчестер пока еще только епископ, а кардиналом его сделают позже по ходу пьесы. Но у Шекспира написано «красная тряпка», так что будем исходить из этого. Глостер, вместо того чтобы посмеяться, воспринимает сказанное как прямое оскорбление, нанесенное лицу королевской крови.

— Что? Что он сказал? Начихать в лицо? Слуги мои, к оружию! Ну, поп, держись!

Глостер и его слуги нападают на епископа.

— Я тебя за бороду отгаскаю! — обещает герцог, размахивая мечом направо и налево. — Плевать я хотел на твою кардинальскую шапку, на самого Папу и на всю церковь! Я тебя за шиворот отсюда выволоку!

Тоже любопытный момент. Член королевской семьи, лорд-протектор позволяет себе подобные высказывания о церковной власти? Более чем странно. Но не станем забывать, что пьеса писалась во времена королевы Елизаветы, убежденной протестантки, так что нет ничего сверхудивительного в том, что «положительный» персонаж уже заранее, за полтора века до ее правления, ставит под сомнение полномочия Папы и представителей католицизма. Прогигаться под власть писателя научились задолго до нашего времени.

— Ты за это ответишь перед Папой! — визжит епископ.

— Ах ты, гусь Винчестерский, волк в овечьей шкуре! Убирайся с глаз долой, алый лицемер!

Слуги Глостера оттесняют слуг епископа.

Во время схватки входит лорд-мэр Лондона со свитой.

Лорд-мэр пытается урезонить сражающихся:

— Стыдно, лорды! Вы же верховные вельможи, а ведете себя так позорно!

— Молчи! — осекает его герцог. — Ты просто не понимаешь, что происходит. Этот Бофор — враг страны и престола, он хочет захватить Тауэр силой.

Теперь мы уже понимаем, что «захватить Тауэр» может означать и «завладеть оружием и поднять бунт», и «провести там ночь и наутро короноваться». Подозрения и обвинения более чем серьезные,

однако из слов епископа в конце Сцены 1 можно сделать вывод, что подозрения эти вовсе не безосновательны, ведь там озвучены намерения похитить короля-младенца, сделать его заложником и добиться власти. Епископ Винчестерский действительно метит в правители всей Англии.

— Ничего подобного, — возражает епископ, — враг страны — это как раз герцог Глостер: он обвешал вас налогами, все время насаждает войну и стремится ниспровергнуть церковь! Сейчас он стал протектором и хочет раздобыть в Тауэре оружие, свергнуть принца и самому короноваться.

Как говорится, оговорка по Фрейду, «на воре шапка горит».

В ответ на обвинение Глостер снова начинает схватку. *Стычка возобновляется.*

— Мне ничего другого не остается, как издать новое указание, — говорит лорд-мэр и велит глашатаю озвучить приказ:

«Люди всех сословий, собравшиеся нынче здесь с оружием в руках вопреки миру божьему и человеческому, приказываем вам именем его величества разойтись по домам и впредь запрещаем, под страхом смерти, носить, пускать в ход и употреблять меч, кинжал или какое-либо другое оружие».

— Что ж, раз издан такой указ, я его не нарушу, — говорит Глостер, опуская меч. — Но с тобой, кардинал, мы еще поговорим. В другом месте.

— Ты за это заплатишься, Глостер, — отвечает епископ.

— Если вы немедленно не разойдетесь, я буду вынужден позвать стражу, — предупреждает лорд-мэр и отмечает, что кардинал ведет себя довольно-таки надменно.

Глостер вежливо и уважительно прощается с лорд-мэром, епископ же и тут не может удержаться от угроз:

— Береги голову, проклятый Глостер, я намерен в самое ближайшее время ее снести.

*Глостер и епископ Винчестерский со своими слугами уходят
в разные стороны.*

Лорд-мэр глядит им вслед и качает головой:

— Ну надо же, как эти господа разъярились!
А я вот никогда в жизни не дрался.

Уходит.

Что ж, авторские симпатии и антипатии определены вполне ясно: герцог Глостер — благородный человек, уважающий законы, и надежный лорд-протектор, заботящийся о благополучии и безопасности маленького принца; епископ Винчестерский — злобный и тщеславный тип, обиженный на то, что его обошли при раздаче слонов, и готовый на любую подлость вплоть до прямой клеветы и киднеппинга. Племянник и дядюшка.

Однако же про задуманное ранее похищение младенца Генриха пока не слышно ни слова. Операция провалилась? Или епископ Винчестерский передумал? Или все еще впереди? Что ж, подождем.

Сцена 4

Франция. Перед Орлеаном

Всходят на стену оружейный мастер и его сын.

Оружейный мастер наставляет сына:

— Ты же знаешь, что Орлеан осажден англичанами, которые захватили предместья. Так вот, от шпионов нашего дофина Карла я узнал, что англичане вон в той башне устроили себе логово, поставили железную решетку и из-за нее наблюдают за позициями французских войск. Там постоянно находится кто-то из их наблюдателей. Я направил пушку точно на эту решетку, и как только там появится кто-нибудь из важных военачальников, надо будет стрелять. Я уже три дня тут караулю, но пока никого не выследил, а стоять больше нет сил. Так что я пойду отдохну, а ты оставайся и глаз не спускай с башни. Как только кого-нибудь выведишь — сразу беги за мной, я буду в доме коменданта. Все понял?

— Будь спокоен, отец, никого не упущу и сам смогу сделать точный выстрел, а ты отдыхай.

*На башню поднимаются граф Солсбери и лорд Толбот,
сэр Уильям Гленсдел, сэр Томас Гаргрев и другие.*

Гленсдел и Гаргрев — персонажи вымышленные, поэтому мы можем только предполагать, что это английские полковые командиры. Джона Толбота мы уже знаем, хоть на сцене его и не было, но разговоров о нем мы слышали предостаточно. А вот граф Солсбери — фигура новая, хотя и была уже трижды упомянута: он командовал войсками, осадившими Орлеан, и «дрался как лев».

Томас Монтегю, 4-й граф Солсбери, один из крупнейших английских военачальников времен Столетней войны. Считался очень искусным, опытным и удачливым, не проиграл ни одного сражения, особенно преуспел в разведке и осадном деле, пользовался большим уважением у своих подчиненных и солдат.

Солсбери искренне радуется возвращению лорда Толбота и нетерпеливо расспрашивает: как с ним обращались в плену и как удалось освободиться? Толбот рассказывает, что его обменяли на французского дворянина, которого держал в плену герцог Бедфорд.

— Сначала меня хотели обменять на человека более низкого сословия, но я счел это оскорбительным и отказался. Лучше смерть, чем такой унижительный обмен. А когда предложили храброго достойного дворянина, я согласился, это был достойный выкуп.

Но измена Фастолфа ранила меня в самое сердце! Попадись он мне — голыми руками удавлю.

— А как там с тобой обращались?

— Да как... Глумились, насмехались, унижали. Вывели на рыночную площадь всем напоказ, вот, мол, смотрите, это и есть гроза Франции, которой вас стращали. Ну, я, конечно, не стерпел, вспылел, начал бросаться камнями в толпу. Выглядел, наверное, очень грозно, потому что люди от испуга разбежались. С того момента мои охранники начали меня бояться, думали, что я могу железные решетки руками сломать, так что глаз с меня не спускали.

— Это ужасно... Но мы за тебя отомстим, не сомневайся. В Орлеане сейчас ужинают, через решетку всех отлично видно — можно людей по пальцам пересчитать и укрепления рассмотреть. Хочешь сам взглянуть?

Солсбери просит Гаргрева и Гленсдела высказать свое мнение: куда лучше направить жерла пушек? Мнения военачальников расходятся: один считает, что бить нужно по северным воротам, другой — что удар следует нанести по бастиону. Толбот полагает, что город нужно взять измором или истощить постоянной перестрелкой. Пока они совещаются, происходит выстрел из города. Солсбери и сэра Томас Гаргрев падают.

Толбот бросается к раненым товарищам. У графа Солсбери *«выбит глаз и вырвана щека»*, с Гаргревом ничего не понятно, то ли жив, то ли нет. Толбот уже

готов признать, что Солсбери погиб, выражает намерение устроить похороны и, причитая, перечисляет военные заслуги и доблести Томаса Монтегю, но граф начинает подавать признаки жизни.

Тревога; гром и молния.

— *Что там за шум?* — взволнованно спрашивает лорд Толбот. — *Откуда этот грохот и тревога?*

Входит гонец и сообщает, что французы начали наступление и во главе их войска стоят дофин Карл «и Девственница Жанна, пророчица и новая святая».

Солсбери приподнимается и стонет.

Толбот торжественно клянется «*раскрошить в грязи мозг*» врага и «*копытами растоптать их сердца*». Умиряющего Солсбери уносят в палатку.

Томас Монтегю, 4-й граф Солсбери, действительно был смертельно ранен удачным выстрелом мальчика-бомбардира, только случилось это осенью 1428 года, на несколько месяцев раньше истории с пленением Толбота (лето 1429 года). Но мы ведь уже привыкли к нарушениям хронологии у Шекспира и не обращаем на это особого внимания. Главное — факт, а он имел место.

Забудем об исторических реалиях и вернемся к некоторым нарушениям логики внутри самой пьесы. На самом деле лорда Толбота освободили из плена без выкупа из уважения к его военным заслугам, мы об этом уже говорили. Но это ладно. Насколько мы с вами помним, в Сцене 1 герцог Бедфорд клянется,

что за каждого взятого в плен английского дворянина он готов отдать в качестве выкупа четверых французских пленных вельмож. Отметим: четверых! И что же получается за история с выкупом из плена лорда Толбота? Сначала за него предлагают одного (!) мелкого (!) дворянина, потом сходятся тоже на одном, но чуток познатнее. А как же клятвы Бедфорда? Почему никто о них не вспоминает, почему никто не обсуждает, что лорд-протектор Франции не держит слово? Расчет на то, что зрители — лопухи, и к четвертой сцене уже не помнят, о чем говорилось в первой? Или дело в том, что сама пьеса — слепленная наспех халтура?

Сцена 5

Там же

Снова тревога.

Входит Толбот, преследуя дофина, и уходит за ним. Затем входит Жанна д'Арк, гоня перед собой англичан, и уходит вслед за ними. Снова входит Толбот.

Джон Толбот в недоумении и ужасе от того, что его солдат гонит женщина в доспехах. Появляется Жанна, и Толбот предлагает ей сразиться один на один. Жанна принимает вызов, они начинают сражаться, обмениваясь взаимными угрозами и оскорблениями.

Уже по начальной авторской ремарке вы понимаете, что нам в одной сцене фрагментарно показывают

переменчивый ход военных действий: побеждают то одни, то другие, и все, что произносит Толбот (а говорит он в этой сцене много), призвано служить просто комментариями к сражениям. Важен итог: французы побеждают, англичане вынуждены отступить.

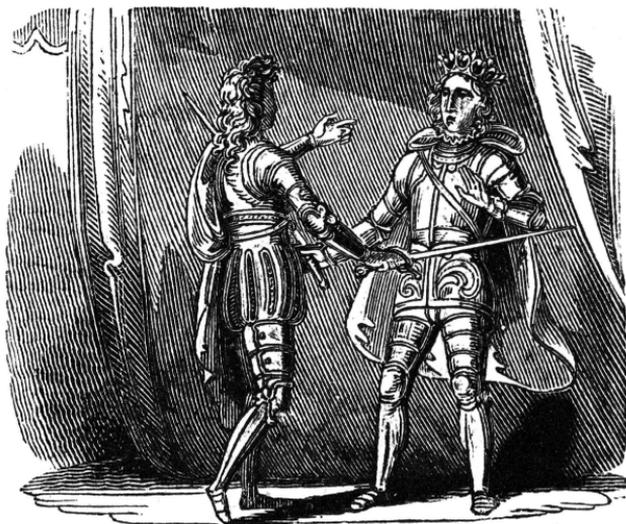
Сцена 6

Там же

Всходят на стену Жанна д'Арк, Карл, Рене, Алансон и солдаты.

Жанна торжественно объявляет:

— Мы прогнали волков от Орлеана! Как видите, я держу слово.

Карл и Жанна

Дофин Карл рассыпается в комплиментах и благодарностях:

— Как мне отблагодарить тебя за этот подвиг? *«Нам возвращен прекрасный Орлеан. Счастливей дня не видела страна.»*

Рене Анжуйский и герцог Алансонский радуются и ликуют, предвкушая народный восторг и праздник.

— Это не наша заслуга, а только Жанны, — говорит Карл. — И я увековечу ее славу. Пусть все в стране молятся за нее.

Он клянется, что после смерти Жанны ее прах будет храниться в драгоценной урне, которую в дни торжеств будут выносить *«перед очи королей и королев»*. В общем, все счастливы и готовы обещать золотые горы.

Акт второй

Сцена 1

Перед Орлеаном

К воротам подходит французский сержант и двое часовых.

Дрежде чем приступить к изложению сюжета, позволю себе процитировать Азимова: «В пьесе происходит возмутительная фальсификация исторических событий в угоду английскому тщеславию»¹. Собственно, это все, что нам нужно знать о пьесе «Генрих Шестой. Часть первая».

Сержант дает указания часовым: стоять по местам, не терять бдительности.

— Как только услышите звуки или увидите солдат — сразу подавайте условный сигнал нам на сторожевой двор.

— Будет исполнено, — обещает Первый часовой, а когда сержант уходит, удрученно вздыхает: — Бед-

¹ А. Азимов Путеводитель по Шекспиру. Английские пьесы. — М., 2017. — С. 555.

ные мы, бедные: нормальные люди сладко спят в своих постелях, а мы тут должны сторожить и в дождь, и в холод, и днем, и ночью.

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский и войска со штурмовыми лестницами. Барабаны бьют под сурдинку.

Толбот обращается к Бедфорду и герцогу Бургундскому:

— Французы весь день пировали и веселились, праздновали победу, сейчас все перепились и крепко спят. Нужно воспользоваться моментом и *«расплатиться с ними за обман, подстроенный проклятым колдовством»*.

Интересно получается... Впрочем, слова о колдовстве уже произносились, но как-то вскользь, мы и внимания не обратили. И Жанну называли «ведьмой», но мы подумали, что это просто фигура речи. Ан нет, оказалось, что все всерьез. Англичане совершенно искренне (как полагает Шекспир) думали, что победить их можно только при помощи колдовства. Ну а как иначе-то? Ведь битва при Азенкуре состоялась совсем недавно, в 1415 году, и Генрих Пятый блистательно выиграл ее, несмотря на многократно превосходящие силы французов. С этого момента английская армия считала себя поистине непобедимой. И вдруг такой облом... Конечно же, все дело в колдовстве, а не в ошибках военачальников и недостатках матобеспечения, других причин быть не может.

Бедфорд согласен с точкой зрения Толбота:

— Французы — трусы! Они поняли, что оружием и солдатами не смогут справиться с нами, и вступили в сговор с ведьмой и адом.

— А кто, собственно говоря, эта Дева, с которой они так носятся? — спрашивает герцог Бургундский.

— Говорят, девица, — отвечает Толбот.

— Что, она действительно девушка? — удивляется герцог Бедфорд. — И такая смелая в бою? Не ожидал!

— Ну, дай бог, чтобы она не превратилась в мужика. А то ведь может превратиться, если будет продолжать воевать, — говорит герцог Бургундский.

— Да пусть они хитрят, колдуют и призывают темных духов, а с нами — Бог, он нам поможет, — уверенно говорит Толбот.

Военачальники разрабатывают план вторжения: нужно продумать несколько путей, чтобы если на одном их постигнет неудача, остальные могли продолжать атаку. Утвердив план, англичане взбираются на стену с криками: «Святой Георгий!», «Толбот!» — и проникают в город.

Часовой за сценой кричит:

— К оружию! Враг наступает!

*Французы в одних рубашках перепрыгивают через стену. Входят с разных сторон полуодетые **Бастард, Алансон, Рене.***

— Что это, господа? — удивляется Алансон. — Вы не одеты?

Хороший вопрос. Можно подумать, он сам при полном параде. А как же авторская ремарка? «Полуодетые... в одних рубашках...»

— Спасибо, что хоть так смогли удрать, — отзывается Бастард Орлеанский.

— Проснулись, спрыгнули с кроватей — и бегом, — дополняет его Рене Анжуйский.

— Я уж сколько лет участвую в военных действиях, а о таком дерзком и отважном подвиге не слышал, — качает головой Алансон.

Ну вот, еще один комплимент англичанам из уст врага.

— Мне кажется, этому Толботу дьявол люльку качал, — говорит Бастард.

— Ну, или дьявол ему помогает, или небеса его защищают, — предполагает Рене.

Герцог Алансонский, по-видимому, пытается во всем найти строгую логику. Его следующая реплика коротка, но может иметь достаточно длинную расшифровку.

— *Вот Карл. Дивлюсь, как мог он уцелеть.*

За этими словами, исходя из контекста разговора, вполне ясно читается: «Если Толботу помогают дьявол и ад, как вы утверждаете, то дофин уж точно должен был погибнуть, потому что его смерть и является главной целью наших врагов. Если главная цель не достигается, то зачем прибегать к темным силам?»

Однако у Бастарда Орлеанского и тут находится ответ:

— Ну что ж! Ему защитой святая.

Входят Карл и Жанна д'Арк.

Карл гневно упрекает Жанну:

— Так вот твое искусство? Обманщица! Сначала ты устроила нам маленькую победу, чтобы втереться в доверие, а теперь допустила, чтобы мы потеряли в десять раз больше!

Жанна оправдывается:

— Ты несправедлив, Карл. Я не могу быть сильной круглые сутки, мне тоже нужно хотя бы иногда спать. Хочешь меня сделать виноватой? А как же твоя стража? Если бы они все не прохлопали, никакой беды не случилось бы.

Так, перевалить вину на Жанну не получилось, посмотрим, кто еще тут есть под рукой. А, Алансон! Вот с него и спросим.

— Герцог Алансон, это ваша вина! — заявляет дофин. — Вы назначены начальником над стражей и не сумели организовать несение службы.

Но и у Алансона есть, чем отбиться:

— На моих участках охрана была организована безупречно. А вот на других участках — не поручусь. Если бы там все было сделано так же, как у меня, нас бы не застали врасплох так позорно.

Иными словами, «поищите еще кого-нибудь». «Еще кто-нибудь» — это, как выясняется, Бастард Орлеанский.

— На моем участке охрана была надежная, — говорит он.

— И на моем тоже, — быстро добавляет Рене.

— Я всю ночь вдоль и поперек осматривал свой участок и участок Жанны, проверял часовых. Откуда же они могли вторгнуться? — недоумевает Карл, так и не нашедший подходящего козла отпущения.

— Да какая разница? — вполне резонно замечает Жанна. — Откуда, как... Что толку-то в этих рассуждениях? Враг нашел слабое место и прорвался, вот и весь сказ. Нам нужно срочно мобилизовать остатки войска и разработать новый план, а не болтать.

Тревога. Входит английский солдат с криком: «Толбот! Толбот!» Все бегут, бросив свое платье.

Это была, как выясняется, шутка мародера. Солдат один, без поддержки, решил взять французов на испуг, в чем вполне преуспел. Он с удовлетворением рассматривает брошенную беглецами одежду.

— Хорошо, есть чем поживиться! Крик «Толбот!» отлично проканал вместо оружия. *«Изрядно нагружил я добычей, сражаясь только именем его».*

Тоже весьма занятный эпизод. Если исходить из дословного толкования текста, то картина выглядит следующим образом: французы выскакивают из постелей полуодетыми, но прихватывают с собой верхнюю одежду. Тут все понятно и логично. Потом довольно долго стоят на сцене и выясняют, кто вино-

ват. Когда появляется солдат-мародер, они убегают, бросив вещи. Вопрос: а почему они не оделись, пока разговаривали? Времени было достаточно. Что, так и стояли полуголые с тряпками в руках? Как-то глупо получается... Нет, мы с вами все понимаем: брошенная в страхе одежда нужна драматургу (кто бы он ни был, Шекспир или кто другой) как символ того, что одно лишь имя великого полководца Джона Толбота способно повергнуть в ужас французскую армию. Но какую-никакую логику поступков все же хотелось бы видеть.

Сцена 2

Орлеан. Внутри города

Входят Толбот, Бедфорд, герцог Бургундский, капитан и другие.

Герцог Бедфорд отдает приказ трубить отбой и прекратить погоню за сбежавшими французами. Джон Толбот распоряжается принести тело погибшего Солсбери и выставить на торговой площади. Он произносит еще много слов о том, как будут чтить героя, и вдруг в конце монолога сворачивает на более насущное:

— А что-то я во время сражения не видел ни дофина, ни Жанны, *«и никого из их клеветов подлых»*.

— Думаю, они, скорее всего, вскочили с постели, когда битва закончилась, смешались с вооружен-

ной толпой, перепрыгнули через стену и убежали в поля, — предполагает Бедфорд.

— Мне кажется, я их спугнул, — сообщает Бургундец. — Конечно, в дыму сражения да в тумане видно не очень хорошо, но я уверен, что видел именно их, дофина Карла и Жанну. Они быстро бежали, взявшись за руки, *«как парочка влюбленных голубков»*, как будто ни днем, ни ночью не могут расстаться. Ничего, мы сначала здесь наведем порядок, а потом последуем за ними с войском. Догоним.

Входит гонец с сообщением для лорда Толбота.

— Вас приглашает в гости графиня Овернская. Она жаждет своими глазами увидеть самого славного и смелого военачальника английской армии.

— Ух ты! — смеется герцог Бургундский. — Уж если дамы назначают свидания, значит, война перестает быть серьезной и превращается в невинную забаву. Идите, милорд. Графине отказывать нельзя.

Толбот и не думает отказываться, более того, предлагает товарищам поехать вместе с ним.

— Нет-нет, это неприлично, — возражает герцог Бедфорд. — Незванный гость хуже сами знаете кого.

Я слышал, что непрошеные гости

Приятнее всего, когда уходят.

— Ладно, пойду один, коль так, испытаю любезность дамы, — говорит Толбот.

Он просит капитана подойти поближе и что-то шепчет ему на ухо.

— Вы все поняли?

— О да, милорд, — отвечает капитан. — Все сделаю, как вы сказали. Не подведу.

На этом сцена заканчивается, оставляя нас стограть от любопытства: что ж за каверзу придумал лорд Джон Толбот? О чем он шептался с капитаном (по-видимому, своим адъютантом)?

Сцена 3

Овернь. Замок графини

Входят графиня Овернская и привратник.

— Ты все помнишь, что нужно сделать? — строго спрашивает графиня. — Когда закончишь — отдашь мне ключи.

— Да, мадам.

Похоже, у графини Овернской тоже есть какой-то хитрый план. Во всяком случае, она его обдумывает (вслух) и мечтает прославиться своим подвигом, но в чем его суть — не раскрывает.

Входят гонец и Толбот.

— Графиня, я привел лорда Толбота, которого вы велели пригласить, — говорит гонец.

Лорд Толбот и графиня Овернская

— Кто Толбот? Вот этот человек? — с недоверием переспрашивает графиня.

— Да, мадам, он самый, — подтверждает гонец.

— Вот это чмо — тот самый бич французов, которого все так боятся? *«Чьим именем пугает мать ребенка?»* Что ж, вижу, что слухи сильно преувеличивают действительность. Я-то думала, сейчас войдет настоящий Геркулес — огромного роста, могучего сложения, с суровым лицом, — а передо мной какой-то карлик, жалкий морщинистый урод! Да может ли такое быть, чтобы это ничтожество нагоняло на французов такой страх?

— Графиня, вы, кажется, не в духе. Я, пожалуй, приду в другой раз, — с достоинством произносит лорд Толбот.

Он хочет уйти, но графиня велит гонцу подойти к гостю и поинтересоваться, куда он уходит и почему. А сама не может спросить? Это ниже ее достоинства? Ну да, она же демонстрирует недоверие к гостю, считая, что это не полководец, а самозванец. Не к лицу родовитой дворянке графине Овернской разговаривать с низкородным незнакомцем.

— Она же мне не верит, — объясняет лорд гонцу. — *«Уйду, чтоб доказать, что Толбот я».*

Более чем странное намерение. Хотелось бы знать, каким образом уход может кому-то что-то доказать?

А тут как раз *входит привратник с ключами.*

— Ну, если ты и в самом деле лорд Толбот, то ты — мой пленник, — злорадно объявляет графиня.

— Я — пленник? Хотелось бы знать, чей.

— *Мой, кровожадный лорд!* Я тебя специально для этого и пригласила. У меня среди картин давно висит твой портрет, а теперь вот живой экспонат будет. Ты столько лет опустошал мою страну, убивал и брал в плен французов, отнимал наших мужей и сыновей, теперь будешь сидеть у меня в цепях.

— Ха-ха! — дерзко отвечает лорд Толбот, ничуть не испугавшись.

— Смеешься? погоди, еще плакать будешь, — грозит графиня.

— Да я смеюсь над вашим безумием, графиня. Вы что же, полагаете, что взяли меня в плен? Ничего подобного. Не меня вы взяли, а только мою тень.

— Почему тень? — не понимает графиня. — Разве вы не лорд Толбот?

— Лорд Толбот.

— Значит, у меня в плену именно вы, а не ваша тень.

— Ошибаетесь, мадам, здесь с вами не я, а только крошечная частичка настоящего Толбота, поистине его зыбкая тень. Если бы сюда вошел настоящий Джон Толбот во всей красе и мощи, вы бы увидели разницу.

— Вы говорите загадками, — растерянно произносит графиня. — Я вас не понимаю.

— Сейчас объясню, — обещает Толбот и трубит в рог.

Бьют барабаны, залп орудий. Входят солдаты.

— Ну, графиня, что скажете теперь? Убедились, что тот Толбот, который только что стоял перед вами, — это лишь маленькая часть настоящего Толбота? А настоящий Толбот во всей своей мощи сметает крепости и города и быстро смиряет непокорных.

Графиня в полном шоке и начинает извиняться:

— *Прости меня, победоносный Толбот!* Ты на самом деле великий полководец. Не прогневайся на мою дерзость. Мне искренне жаль, что я не проявила к тебе должного уважения.

Наш лорд Толбот милосерден и великодушен:

— Не пугайтесь, графиня, я не так суров и строг, как вам показалось по моему виду. И я на вас не оби-

делся. Давайте в знак примирения накормим моих бойцов и сами поужинаем.

— Почту за честь угостить в своем доме такого героя, как вы, — с облегчением произносит графиня Овернская.

Азимов считает, что «французская графиня тут же влюбляется в Толбота». Ну не знаю... Я не вижу ни в авторских ремарках, ни в репликах героев никаких указаний и даже намеков на подобное развитие событий. Но, возможно, я плохо смотрю и не все понимаю. А вы как считаете?

Сцена 4

Лондон. Сад Темпля

Входят графы Сомерсет, Сеффолк и Уорик; Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий.

В этом месте начинается сложное. Понимаю-понимаю, хочется, чтобы было просто и понятно. Но оно и будет просто, если один раз вникнуть. Достаточно быть чуточку внимательнее и заметить, в каком месте авторской ремарки стоит точка с запятой при перечислении действующих в сцене лиц. Эту точку с запятой не я поставила, честное слово. У Шекспира таким образом изначально заявлено разделение активных персонажей на две группы. В одной — три графа, Сомерсет, Сеффолк и Уорик,

в другой — Ричард Плантагенет, Вернон и стряпчий. Стало быть, все шестеро не «одной крови», а лица, между которыми существуют некие противоречия, а возможно, и конфликты.

Да, конфликт есть. Это конфликт интересов. Граф Сомерсет и Ричард Плантагенет — потомки короля Эдуарда Третьего. Из-за чего сыр-бор? Частично мы уже говорили об этом, когда представляли вам участников Сцены 1 в первом акте. У Эдуарда было пятеро сыновей. То есть на самом деле больше, но некоторые умерли в раннем возрасте, так что считаем по выжившим. После смерти Эдуарда Третьего на трон сел потомок по линии первого сына, как и положено, затем его сменил (на самом деле — сместил, но это к делу не относится) потомок третьего сына, который стал королем Генрихом Четвертым и положил начало династии Ланкастеров. У того самого третьего сына, батюшки Генриха Четвертого, были и внебрачные дети, впоследствии признанные законнорожденными, поскольку этот третий сын по имени Джон Гонт в конце концов все-таки женился на своей давней любовнице и задним числом узаконил сыновей-бастардов. Эту историю мы уже изучали, когда познакомились с двумя внебрачными сыновьями Гонта, помните? Томас Бофор, герцог Эксетер, и Генри Бофор, епископ Винчестерский. Но был и еще сын, Джон Бофор, граф Сомерсет, самый старший, который к моменту событий, разворачивающихся в пьесе, давно уже помер, однако успел оставить четверых

сыновей. Один из них рано умер, еще один никогда не именовался Сомерсетом, а вот двое остальных носили в разное время титулы графа и герцога Сомерсета и вполне могли претендовать на престол, ежели у Ланкастеров вдруг не окажется потомства. И действующий монарх, и Сомерсеты — потомки одного и того же Джона Гонта Ланкастерского, третьего сына короля Эдуарда. Кто же из оставшихся двоих сыновей Джона Бофора действует в пьесе под именем «Сомерсет», Джон или Эдмунд? Пока непонятно, авторских указаний нет, так что попробуем разобраться по ходу.

Ричард Плантагенет имеет не менее славную родословную: по отцу он является потомком (внуком) четвертого сына короля Эдуарда, зато по линии матери — потомком (правнуком) второго сына. Вот такой замес. Иными словами, по мужской линии он, безусловно, уступает потомкам третьего сына, Джона Гонта Ланкастера, а по женской линии — превосходит их, имея более сильные позиции в деле престолонаследия.

Сцена начинается с вопроса, который Ричард Плантагенет задает своим собеседникам:

— Что вы молчите, господа? Неужели никто из вас не собирается отстаивать правду?

— В зале Темпля было слишком шумно, поэтому мы не поддержали разговор. Давайте поговорим здесь, в саду, — отвечает герцог Сеффолк.

— Хорошо, скажите, каково ваше мнение? Кто из нас прав, — я или Сомерсет?

*Выбор алых и белых роз в саду Темпля
(гравюра по картине Джона Петти, 1874)*

Судя по этим словам, Ричард Плантагенет поставил вопрос ребром: кто имеет больше прав притязать на престол, если трон вдруг освободится? Вопрос адресован графу Сеффолку, видному государственному и военному деятелю, участнику боевых действий в ходе Столетней войны. Гражданское имя этого человека — Уильям де ла Поль.

— А я не разбираюсь в законах, — с военной прямотой отвечает Сеффолк. — Зачем мне их знать? Все равно не я подчиняюсь законам, а они — мне.

В разговор вступает второй претендент на корону, граф Сомерсет, который адресует аналогичный вопрос графу Уорику.

— Рассудите нас, пожалуйста, граф Уорик.

— О, это не по моей части! — сразу отнекивается Уорик. — О соколах, об охоте, о лошадях, о бабах — это ради бога, тут я еще что-то соображаю, но в законах — ни бум-бум.

*Но в этих хитрых тонкостях закона,
Клянусь душой, я не умней вороны.*

Ричард недоволен.

— Это все отговорки, граф. Даже слепому видно, что прав именно я.

— Нет, слепому как раз видно, что прав я, — возражает Сомерсет.

— Хорошо, не хотите говорить — выразите свое мнение без слов, — предлагает Ричард Плантагенет. — Кто согласен с тем, что я прав, пусть сорвет белую розу с куста.

— А кто считает, что прав я, пусть сорвет алую розу, — добавляет Сомерсет.

Уорик срывает белую розу со словами:

— Не люблю никаких красок, поэтому выбираю белый цвет.

— А я считаю, что прав Сомерсет, и срываю алую розу, — говорит Сеффолк.

Вмешивается Вернон:

— Погодите, господа, давайте сначала четко договоримся: тот, кому достанется меньше роз, обязан безоговорочно признать правоту соперника.

Ну, такая доморощенная демократия.

Сомерсет и Плантагенет сразу же соглашаются, без споров. Тогда Вернон срывает белую розу, отдавая свой голос за Ричарда. Сомерсет, конечно, недоволен и пытается угрюмо острить:

— Смотрите, осторожнее, Вернон, а то уколетесь шипом, кровь пойдет, цветок окрасится, и получится, что вы помимо воли будете стоять с красным цветком в мою пользу. Ну, кто еще не выразил своего мнения?

А остался-то только стряпчий. Если по-современному — юрист.

— Если мои знания и все книги, которые я изучил, меня не обманывают, то аргументы Сомерсета кажутся мне сомнительными, — говорит он. — Я срываю белую розу.

— Ну, Сомерсет, давайте, подкрепляйте свои аргументы, — обращается к конкуренту Ричард Плантагенет.

— Аргументы у меня в ножнах, — грозно отвечает Сомерсет, — и этот аргумент окрасит вашу белую розу в красный цвет.

— Ого, как вы побледнели от страха! Стали таким же белым, как моя роза. Значит, я точно прав, — констатирует Ричард.

— Я побледнел не от страха, а от гнева! А тебе следовало бы покраснеть от стыда и стать таким, как моя роза.

Претенденты еще какое-то время обмениваются репликами, упражняясь в злобном остроумии

и обыгрывая тему червей и шипов, которые можно обнаружить в розах. Доходит до того, что Ричард называет Сомерсета «дерзким мальчишкой» и заявляет, что презирает его. А ведь как цивилизованно все начиналось! «Господа, давайте обсудим... Рассудите, кто из нас прав...» Сплошное лицемерие!

— Насчет презрения — это уж слишком, — замечает Сеффолк, пытаясь снизить накал скандала.

Но Плантагенета уже понесло.

— А я и тебя презираю, Уильям де ла Поль!

— Я тебе это твое презрение в глотку запихну! — не выдерживает Сеффолк.

— Перестань, де ла Поль, — сдерживает его граф Сомерсет. — Много чести беседовать с этим мужланом.

— Осторожней, Сомерсет, — говорит Уорик, — не забывай, что Ричард — потомок Лайонела, третьего сына короля Эдуарда.

Так, не запутайтесь в счете сыновей Эдуарда Третьего. Мы уже договорились, что считаем «по выжившим», и по этому счету Лайонел — второй сын (между старшим сыном и Лайонелом родился еще мальчик Уильям, который рано умер). Шекспир, как и многие историки и хронисты, считает «по всем родившимся», и у них Лайонел — третий сын короля, а Джон Гонт — четвертый. В вопросах престолонаследия важна не конкретная цифра, а именно последовательность: кто раньше родился — у того больше прав. Лайонел, предок Ричарда Плантагенета, родил-